

Ефросинья Николаевна посмотрела на Мимку, испугалась даже и сразу невзлюбила. Урод и урод! Так уродом и стала звать.

А Мимка - французский бульдог, породистый, от роду ему месяц, шерсти нет. Голое тело голубое, и все в розовых веснушках. Это значит, когда вырастет, будет серый с белыми пятнами. Хвоста нет, вместо него обрубок, а на обрубке колбочка - компресс: недавно ему хвост отрубили. Голова - шар сморщенный. Нос приплюснут, нижняя губа вперед торчит, язык в сторону высовывается. Задние ноги сосисками волочатся, разъезжаются. Слабые ноги.

Ефросинья Николаевна человек простой, ей надо вот какого пса: чтоб хвост калачом на спине бы лежал, уши на макушке торчком стояли. Чтобы злой был, чтобы лаял - воров пугал.

Всякие там собачьи породы Ефросинья Николаевна ни во что не ставит.

А дочь у нее породистых собак любит.

Вот ей Мимку и подарили.

Много выведено разных собачьих пород.

Все в помощь человеку, и все на разную помощь. Есть собака-лошадь, собака-ветер, собака-звонок, собака-пастух, собака-сыщик, собака-игрушка. Есть собачьи породы, которые сто, двести и тысячу лет тому назад стали выводить. Такие собаки только для одного дела и годятся. В своем деле герой, а чуть что иначе - и никуда.

Летит борзая, собака-ветер, по чистому полю, всех перегонит, на бегу поймает зайца, а в лес забежит - о деревья убьется с ходу.

Пудель-игрушка разучился злиться, хоть убей при нем хозяина, он и не вступится, а самый умный пес.

Собака-звонок — это маленькая собачонка. Таких барыни в муфтах носили.

Её приучили лаять — она и лает всё время. Всё её раздражает. Муха ползёт — она в истерику. Заговорил кто-то громко — в истерику. Упало что-нибудь со стола — тоже. А если подразнить посильнее — возьмёт и умрёт от разрыва сердца.

Для сторожа-бульдога надо было морду свирепую, такую, чтобы чужой, как увидит, задрожал бы, грудь широкую, чтобы с ног валил человека, и челюсти-щипцы. Как хватит кого, так и не выпустит. Такой пёс и получился, только на задние ноги внимания люди не обращали — вот ноги и стали у бульдогов слабые, вихлястые.

И у Мимки задние лапы будто зря привешены. Ест он свой собачий суп и поднимает всё тело вверх. Стоит на одних передних и ест. Плотно стоит, широко лапы расставил.

Ефросинье Николаевне уж об этом и не говорили. И так не любит — уродом зовёт. А тут совсем за нечисть считать будет.

Повела как-то раз Ефросинья Николаевна Мимку гулять. Сойти да подняться снова на пятый этаж старушке трудно. Всегда дочь водила Мимку. А тут почему-то сама Ефросинья Николаевна повела.

Пришла обратно скоро. Вся в слезах, красная, кричит:

— Что я, клоун, что ли? Что я, клоун?!

Ведёт Ефросинья Николаевна Мимку вниз по лестнице на верёвочке. Стыдно ей с такой собакой, с уродом. Богу молится, чтоб никто не увидел.

А ребята увидели, обрадовались, набежали, орут — радуются. Потом вдруг закричали:

— Ещё, ещё, тётяшка! Фокус! Фокус-мокус покажи.

— Какой там фокус? — кричит Ефросинья Николаевна. — Убирайтесь, баловники!

Стыдно ей с таким уродом.

— Да чтоб собака прыгала бы! — просят, галдят, орут.

Изо всех дверей знакомые жильцы вышли. Здравуются, улыбаются, Мимку разглядывают.

А ребята орут, опять просят какой-то фокус показать.

Рассердилась Ефросинья Николаевна. Пошла быстро-быстро вниз. Зарадовались ребята пуще прежнего, и жильцы хохочут.

— Здорово! — кричат. — Ай да молодец Ефросинья Николаевна. Ну как в цирке!

Остановилась Ефросинья Николаевна, оглянулась. Ничего нет смешного, разве что язык Мимка больше высунул да хвостом-обрубком шевелит. Пошла опять вниз.

Как пошла, так и загалдели все, захохотали.

Ребята прямо вот как радуются, да и жильцы тоже.

Оглянулась на ходу Ефросинья Николаевна.

И видит: скачет за ней на верёвочке голый щенок столбиком, на передних лапах поспеваает. Скок-скок! Скок-скок! Так столбиком и прыгает. Заплакала Ефросинья Николаевна, поднялась к себе на пятый этаж.

А на другой день отдали Мимку знакомым.